

ПРАВО КАК ЯЗЫКОВОЙ ФЕНОМЕН

© 2018 г. В. Н. Корнев

Российский государственный университет правосудия, Москва

E-mail: prorector_nauka@rsuj.ru

Поступила в редакцию 14.12.2017 г.

Тема “право и язык” является одной из ключевых для юридической науки и практики. Именно в языке право находит свое выражение и объективное существование. Совершенствование языка нормативных и индивидуальных правовых актов с точки зрения юридической техники – это одна из важнейших задач современной юридической науки. Однако только такой подход не решает других, очень важных проблем соотношения права и языка.

Автор исследует заявленную тему в контексте теории и философии языка, что составляет предпосылку для обоснования концепции права как языкового феномена. На основе такого методологического подхода автор приходит к обоснованию вывода о том, что право именно как языковой феномен способно осуществлять свои специфические функции. К числу их автор относит прежде всего коммуникативную функцию, которая присуща как текстам нормативных правовых актов, так и правовым актам индивидуального характера. Для выполнения нормативно-регулятивной функции право должно быть при помощи языка доведено до сведения неопределенного круга лиц. Так оно приобретает свойство регулятора общественных отношений. В этом смысле действительность (действие) права выступает как действительность (действие) языка, в котором формируются и выражаются правила поведения. В статье анализируются и другие функции права как языкового феномена: правоприменительная – функция означивания правовых явлений и др. Автор приходит к выводу о том, что применение права есть специальный случай применения языка. Все вопросы, которые обозначены в тексте научной статьи, рассматриваются на основе анализа концепций отечественных и зарубежных исследователей языка права.

Ключевые слова: право, принцип права, язык права, юридический текст, коммуникация, интенция, суггестия, означивание, значение в праве, юридическая языковая игра, применение права, правотворчество, феноменология.

*Так я, скорбя, познал запрет:
Не быть вещам, где слова нет.*

Штефан Георге “Слово”.

DOI: 10.7868/S013207691806001X

Тема “право и язык” является одной из ключевых для юридической науки и практики. Язык права, или специальный юридический язык, является предметом всесторонних исследований лингвистов и правоведов. Об этом свидетельствует ряд трудов как отечественных, так и зарубежных ученых¹. Почти во всех исследованиях подчеркивается неразрывная связь между языком и правом. Современные процессы развития внутригосударственного права, т.е. права конкретной страны, права Европейского Союза, международного права приводят к расширению понятийного аппарата и образованию новых

юридических терминов, принятию новых законов и их толкованию. Все это находит отражение в языке права и языке правовой науки и требует новых подходов в исследовании языковых явлений в праве.

Современные направления в исследовании языка права, как отмечается в современных научных публикациях, могут быть следующими: судебная коммуникация, судебная лингвистика, юридическая аргументация, языковые нормы в праве, правовая сила языковых действий, критерии трактовки текста, языковые требования к юридическим формулировкам и т.д.² Эти направления указываются автором применительно к соотношению немецкого языка и немецкого права, но их вполне можно распространить и на исследование аналогичной проблематики, которая свойственна для российского лингвистическо-правового научного дискурса.

¹ См.: Лазарев В.В. Диалектика объективного и субъективного в интерпретационных актах суда // Журнал рос. права. 2017. № 9 (249). С. 97–108; Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012; Власенко Н.А. Избранное. М., 2015; Поляков А.В. Общая теория права. Проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учеб. СПб., 2004; Хук М. ван. Право как коммуникация. СПб., 2012; Lampe E. Juristisch Semantik. Hamburg-Berlin-Zurich, 1970; Muller F., Wimmer R. (Hrsg.). Neue Studien zur Rechtslinguistik. Berlin, 2001; и др.

² См.: Дементьева Т.М. Лингвистические особенности немецкого языка права // Филологические науки: вопросы теории и практики. 2009. № 2 (9). С. 207.

Нетрудно заметить, что указанная проблематика относится прежде всего к юридической технике, т.е. к языку нормативных правовых актов, а также к языку актов, которые принимает правоприменитель. Действительно, совершенствование, модернизация языка нормативных и индивидуальных правовых актов — это одна из важнейших задач современной юридической науки. Однако следует отметить, что данная задача успешно решается в рамках юридической семантики. В настоящей же статье ставится цель исследовать проблему соотношения права и языка гораздо шире: с позиции постулатов теории и философии языка.

В 1932 г. о необходимости создания “особой философии юристов” в образе философии языка высказывался немецкий теоретик права Ф. Хек. Еще задолго до Ф. Хека о праве как языковом явлении писали такие мыслители и ученые, как Юм, Савиньи, Гегель и др. Г. Гегель, например, отмечал: “То, что есть право, лишь становясь законом (подчеркнуто мною. — В.К.), обретает не только *форму* своей всеобщности, но свою истинную определенность”³. Отсюда следует: право в своей всеобщности и определенности — это языковое явление. Язык — это форма внешнего существования, явления права. Но действительность права характеризуется не только пустой формой, так как форма выражает его сущность. Гегель утверждал: “Действительность — это *единство сущности (Wesens) и существования (Existenz)*... единство внутреннего и внешнего есть *абсолютная действительность*”⁴.

В “Письме о гуманизме” известный ученый-философ современности М. Хайдеггер писал: “Язык есть дом бытия”⁵. Перефразируя это высказывание, можно сказать: “Язык есть дом права”. И это на самом деле так. Поэтому вполне оправданно говорить о праве как о языковом феномене.

Таким образом, применительно к заявленной теме исследования можно сделать вывод о том, что язык представляет собой первое и существенное условие действительности и действия права. Все нормы и принципы права формулируются при помощи языка. Право существует в высказываниях о нем. Оно не мыслимо вне и помимо языка. Истинным представляется суждение о том, что право находится в языке, а не где-то рядом с ним⁶.

Вместе с тем норму (правило) и принцип права следует отличать от *высказывания* о них. «Содержание акта, устанавливающего норму, является должное. Это должное есть норма. Выражение: норма “говорит (свидетельствует)”, это нечто должно быть или должно произойти, допустимо, поскольку посредством такого выражения может быть предотвращен соблазн замены нормы высказыванием о ней. Поскольку норма не есть высказывание и нужно точно отличать, в особенности от высказывания о ней. Высказывание есть содержание мыслительного акта, норма, следует заметить, составляет содержание акта воли, *интенционально* направленного на определенное человеческое поведение»⁷, — писал Г. Кельзен. Недопустимо отождествление понятий “норма права” (“Rechtsnorm”) и “правовое предписание (предложение)” (“Rechtssatz”), что достаточно часто встречается в отечественной теории права. Здесь можно сослаться на весьма распространенное среди ученых-юристов словосочетание “норма закона”, о чем высказывался известный немецкий теоретик права Г. Навяски: «Следует отметить, что отождествление высказываний “норма права” и “правовое предложение” может привести к исчезновению из нашего поля зрения нормативного характера права»⁸. В современной публикации под названием “Теория права” ее авторы рассуждают в том же духе, когда утверждают, что «право состоит из норм, которые находят свое выражение в правовых предложениях (“Rechtssätzen”). Норму права и правовое предложение следует различать»⁹.

Сущность права может быть “схвачена” и выражена только в языке. Право состоит из правовых предложений (предписаний) и существует в этих предложениях. Все правовые нормы формулируются в предложениях как правовые предписания. Оно ими охватывается, артикулируется. Посредством языка право устанавливается, передается и становится известным неопределенному кругу лиц. Юридический текст, например текст закона, представляет собой разновидность знаковой системы. Содержание нормативного юридического акта составляют норма или принцип права, которые, как нам уже известно, внешне выражаются в правовых предложениях соответствующего языка.

Язык выполняет ряд социально и культурно значимых функций. Поскольку право рассматривается как языковое явление, то вполне оправданно

³ Гегель. Философия права. М., 1990. С. 247.

⁴ Гегель. Наука логики. 2-е изд., стер. М., 2005. С. 482.

⁵ Heidegger M. Brief über den “Humanismus” // Platos Lehre von der Wahrheit. Mi teinem Brief über den Humanismus. Bern, 1947. S. 53–119.

⁶ См.: Busse D. Juristische Semantik. Berlin, 1993. S. 11.

⁷ Kelsen H. Allgemeine Theorie der Normen. Wien, 1979. S. 21.

⁸ Nawiasky H. Allgemeine Rechtslehre als System der rechtlichen Grundbegriffe. Zurich / Köln, 1948. S. 11.

⁹ Rutters B., Fischer Ch., Birk A. Rechtstheorie mit Juristischer Methodenlehre. 9. Auflage. München, 2016. S. 59.

и объективно обоснованно распространение этого суждения и на язык права, правовой текст. Позволю себе воспользоваться положениями теории языка, которые были разработаны выдающимся филологом современности Ю.М. Лотманом. В одной из работ ученый писал: “Определяя... интеллектуальную способность, можно свести ее к следующим функциям: 1. Передача имеющейся информации (текстов). 2. Создание новой информации, то есть создание текстов, не выводимых однозначно по заданным алгоритмам из уже имеющихся, а обладающих определенной степенью непредсказуемости. 3. Память: способность хранить и воспроизводить информацию (тексты)”¹⁰. В соответствии с приведенной классификацией интеллектуальной способности Ю.М. Лотман выделял три функции текста¹¹.

На первое место выдвигается *коммуникативная функция языка*, в том числе и языка права и, следовательно, самого права, формой существования которого является язык. Современная теория языка исходит из генерального тезиса, лежащего в основе процесса коммуникации, который представляет своего рода диалог: каждое успешное и точное языковое понимание представляет собой перманентный процесс “перевода” соответствующей информации из мира языка говорящего (автора) в мир языка адресата¹².

Коммуникативная функция права реализуется в различных направлениях и формах. Прежде всего право выполняет роль коммуникативного посредника между *государственной властью и народом*. О.Э. Лейст, характеризуя *позитивно-нормативное* понимание права, совершенно справедливо отмечал: “Язык – основное средство общения людей; только словами и выраженными ими понятиями можно определить: что делать, чего не делать, что правильно, что неправильно. Через общие, абстрактные, а потому равные для всех субъектов права определения и понятия применяется равный масштаб к неравным людям, присущий праву. Только словами может быть выражена государственная воля..., образующая содержание права. *Право – язык, которым государство говорит с народом*”¹³ (курсив мой. – В.К.). Государство разговаривает с народом через посредство принимаемых его властными органами нормативных правовых актов. Можно согласиться с высказыванием М. Фуко о том, что слово представляет собой орудие власти. В этом контексте

власть мыслится в юридических “терминах закона, запрета, свободы и суверенитета”¹⁴.

Закон и иные нормативные правовые акты выполняют роль медиума в отношениях, которые складываются *между правотворцем и правоприменителем*. Неоспоримым фактом является то, что для выполнения правом нормативной функции в жизни социума оно должно быть при помощи языка доведено, сообщено неопределенному кругу лиц, в том числе и правоприменителю. Только тогда право приобретает свойства всеобщего регулятора общественных отношений. В этом смысле действительность (действие) права выступает как действительность (действие) языка, в котором формулируются и выражаются правила поведения, установленные правотворцем в результате принятия соответствующих норм права. Отсюда следует, что право как языковое явление – это система высказываний, выполняющих не только *сообщающие (mitteilbar)*, но и *суггестивные* функции, иначе говоря, такие функции, которые проявляются в способности юридических текстов влиять на наше поведение. *Суггестию* можно представить как арсенал средств и приемов четко направленного, внушающего и убеждающего воздействия на личность и его установки. Язык, в том числе и язык права, *навязывает* человеку нормы познания, мышления и социального поведения: мы можем познать, понять и совершить только то, что заложено в нашем языке. Таким образом, запреты и дозволения, которые характеризуют внутреннее содержание права, *воздействуют на поведение человека при помощи воспринимаемых его мозгом сигналов*, облаченных в языковую форму.

В связи с этим ученым-юристам следует обратить самое пристальное внимание на следующий вывод лингвистов, который открывает новые горизонты для юридической науки в плане междисциплинарных исследований: “Человек работает, действует, думает, творит, живет, будучи погружен в содержательный (или значимый) мир языка, что язык в указанном аспекте, по сути говоря, представляет собой питательную среду самого существования человека и уж во всяком случае является неизменным участником всех тех психических параметров, из которых складывается сознательное и даже бессознательное поведение”¹⁵.

Здесь мы касаемся проблемы прагматики языка вообще и языка права, в частности. Согласно

¹⁰ Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. М., 2016. С. 6.

¹¹ См.: там же. С. 17.

¹² См.: Rutters B., Fischer Ch., Birk A. Op. cit. S. 104.

¹³ Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 265.

¹⁴ Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет / пер. с фр. М., 1996. С. 190.

¹⁵ Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Суггестивная лингвистика. М., 1996. С. 26; Звегинцев В.А. К вопросу о природе языка // Вопросы философии. 1979. № 11. С. 67–78.

заявлению одного из основателей семиотики — Ч. Морриса у знаков человеческой речи существуют три аспекта, три сферы отношений: отношение знаков к объектам — семантика; отношение знаков к другим знакам — синтаксис; отношение знаков к людям, к их поведению — прагматика. Все три на деле не существуют друг без друга и составляют как бы три стороны единого целого, треугольника¹⁶.

Представляется, что юридическая наука наряду с лингвистикой, математикой, логикой, психологией, психопатологией должна проводить научные исследования во всех указанных трех сферах отношений с тем, чтобы наиболее всесторонне и объемно изучить право как языковой феномен.

Вместе с тем ученым-юристам особое внимание следует обращать на прагматику языка права, поскольку юридический текст, оказывая регулирующее воздействие на общественные отношения, направлен на достижение той цели, ради которой правотворцем и был разработан и принят тот или иной нормативный правовой акт.

Юридическому языку свойственна *интенциональность*, т.е. он способен в той или иной степени адекватности выражать цель, на достижение которой направлена воля правотворца. Интенция (лат. *intentio* — намерение, цель, стремление) определяет содержание смысла (the content of meaning), является категорией феноменологии. Создатель феноменологической философии Э. Гуссерль, разъясняя смысл этого философского положения, писал: «Под интенциональностью мы понимаем свойство переживания “быть сознанием чего-либо”. Интенциональные переживания служат “эйдети-ческой предпосылкой идеи нормы”¹⁷. Сознание законодателя всегда направлено на принятие нормативного правового акта как формы выражения и существования норм и принципов права, установленных его волей. Акт правотворчества является важнейшим элементом в юридической интерпретации¹⁸.

В силу того что все свойства права находят свое выражение и формулирование в языке, оно может применяться управомоченными на такие действия субъектами. Поэтому язык выступает как первое и существенное условие действительности, а потому и применимости права.

Судья и другие субъекты, применяющие право, работают с текстами нормативных правовых

актов, в которых содержатся формулировки норм и принципов права. Общим положением теории правоприменения является то, что неотъемлемой частью правоприменительного процесса выступает необходимость толкования с целью понимания, уяснения и разъяснения права, т.е. словесных формулировок норм и принципов, содержащихся в нормативных правовых актах. Для того чтобы возникла возможность применения норм права, прежде всего необходимо им дать толкование, интерпретацию. Поэтому вполне можно согласиться с утверждением немецкого философа права А. Кауфмана о том, что право не дается судьбе в готовом виде. Оно появляется и становится (в субъективном смысле слова относительно конкретного правоприменителя) в процессе его интерпретации. В процессе правоприменения юрист не выходит из круга, который образуют реальная действительность (конкретное юридическое дело) и язык. В силу этого юридическая интерпретация приобретает характер онтологической обоснованности, что гарантирует легитимацию права¹⁹.

При уяснении правоприменителем нормативных предписаний с целью их применения к конкретному случаю реализуется *коммуникативная функция*, связывающая правотворца и правоприменителя, так как нормативная информация переводится от нормотворческого органа к органу, применяющему право, и посредником между ними выступает текст нормативного правового акта, подлежащего применению. В связи с этим проблема *понимания* языковых высказываний приобретает глобальное значение для юридической науки. Вот как сформулировал эту проблему автор широко известного труда по теории применения права (*Methodenlehre*) К. Ларенц: “В юриспруденции речь идет о понимании языковых высказываний, о понимании собственного им нормативного смысла (значения)”²⁰. Некоторые ученые-юристы заявляли о том, что все право можно свести к пониманию. Право как язык — это техника коммуникации, которая служит преодолению расхождений, существующих между спорящими сторонами, и в конечном счете достижению взаимопонимания.

При грамматическом толковании текста нормативного правового акта интерпретатором понимание нормативного содержания толкуемых языковых высказываний сводится к установлению значения и смысла соответствующих слов. Как писал известный русский юрист Е.В. Васильковский, “смысл слов определяется *словоупотреблением*,

¹⁶ См.: Черепанова И.Ю. Указ.соч. С. 27.

¹⁷ Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М., 2006. С. 262, 270.

¹⁸ См.: Legal theory/edited by Peter Wahlgren. Stockholm, 2000. P. 181–189.

¹⁹ См.: Sadowski-Zirk M. Wprowadzenie do filozofii prawa. Warszawa, 2012. S. 78.

²⁰ Цит. по: Buss D. Op. cit. S. 10.

которое представляет собою господствующий и общепринятый способ обозначения словами понятий и представлений... Словоупотребление определяется путем исследования значения, которое связывается со словами в жизни и литературе”²¹. Следовательно, надо различать термины “смысл” и “значение” слов.

В современной науке о языке *значение слова* определяется как знак, основной функцией которого является объективное и обобщенное отражение предметов и явлений окружающей действительности. Слово не только указывает, но и обобщает предметы. В этом состоит основа коммуникации. *Смысл слова*, в отличие от значения (явления объективного), — это индивидуальное, субъективное значение, которое приобретает слово для человека в каждой конкретной ситуации осуществления речевой деятельности. Смысл и значение слова тесно взаимосвязаны. Значение слова не равно понятию. Последнее образуется в сознании людей. Понятие — максимально обобщенное представление о предмете или явлении, выражаемое посредством знаков языка. Следует отметить то, что значение слова не всегда совпадает со смыслом. Приведем всем известные примеры: “Мертвые души” или “Александр Сергеевич Пушкин, великий русский поэт, убитый Дантесом”. Значение слова остается неизменным, но смысл меняется в зависимости от субъективной установки лица, его употребляющего. Таким образом, для понимания значения (*Bedeutung*) слова является решающим, что в полной мере относится и к языку права.

В теории и философии языка решение проблемы “значения” порождает ряд сложностей. Основное затруднение состоит в том, что представления человека об окружающем мире носят субъективный характер. Вместе с тем значение языковых высказываний не должно определяться субъективными, частными представлениями людей. Оно (значение) должно быть определено “объективным”, иначе мы не будем в состоянии понять друг друга.

Данная проблема решается на основе двух философских подходов, которые кратко можно обозначить: “репрезентативный” и “инструментальный”²².

Главным представителем репрезентативной теории знаков был Г. Фреге. Согласно его теории *значение* не следует понимать как нечто индивидуально-психологическое. Речь идет не о представлениях

отдельной личности, а о процессе человеческого познания. В связи этим Фреге считал, что в высказанном повествовательном предложении выражается мысль (*Gedanke*), которая воспринимается не посредством раскрытия ее смысла, а через предикаты “истинное” или “ложное”. Поэтому *значение* повествовательного предложения состоит в том, что в нем демонстрируются условия его истинности, которые могут быть установлены и проверены любым субъектом, воспринимающим это предложение. Если кто-то говорит: “Идет дождь”, то говорящий нацелен на высказывание истинного суждения, поскольку оно объективно может быть проверено на истинность или ложность. Кроме того, *значение* слов и повествовательных предложений заключается и в том, что они отражают фактические обстоятельства, и тем самым в них выражается реальный мир. Отсюда становится ясным и понятным, почему теория Г. Фреге носит название “репрезентативной”. Предложения такого рода могут оцениваться как истинные или как ложные. Они в большей степени свойственны юридической науке, но не языку права.

Необходимо отметить то, что тот или иной естественный язык состоит не только из повествовательных предложений. Язык содержит и другие формы высказываний: обещание, предписывание и т.д., к которым не применяются оценки с точки зрения их истинности или ложности²³. Важно отметить то, что такие формы высказываний свойственны языку права. Следует акцентировать внимание еще на одной проблеме, которую поставил Фреге, но окончательно ее не решил. Эта проблема кроется в его знаменитом высказывании: “Работа науки состоит не в творчестве, а в открытии, отвечающем требованиям истинности мысли..., так как истинность мысли имеет вневременной характер, то ее истинность не может быть связана только со временем открытия”²⁴. Здесь речь идет о внеконтекстуальном определении *значения* слов и предложений через категории истинности и ложности, что в общем-то не совсем приемлемо для решения задач юридической практики, например для правоприменительного процесса. В целом, как представляется, Г. Фреге не удалось создать концепцию объективного понятия *значения* слова, поскольку трудности, связанные с отграничением категории *значение* от индивидуально-психологического

²¹ Васильковский Е.В. Цивилистическая методология. Учение о толковании и применении гражданских законов. М., 2002. С. 100, 101.

²² См.: Ritters B., Fischer Ch., Birk A. Op. cit. S. 107.

²³ См.: Витгенштейн Л. Философские исследования (№ 23) // Языки как образ мира. М., СПб., 2003. С. 236, 237.

²⁴ Frege G. Logische Untersuchungen. Göttingen, 1993. S. 50 (“Die Arbeiter Wissenschaft besteht nicht in einem Schaffen, sondern in einem Entdecken von wahren Gedanken... weil das Wahrsein eines Gedanken zeitlos ist... Also kann jene Wahrheit nicht erst mit ihrer Entdeckung entstanden sein”).

понимания, от нашего сознания или наших представлений, все же не были преодолены.

Репрезентативной теории Фреге противостоит инструментальная теория, которую обосновал родоначальник неопозитивизма в философии языка Л. Витгенштейн. Суть его подхода выражается в суждении: «Для *большого* класса случаев — хотя и не для *всех*, где употребляется слово “значение”, можно дать следующее его определение: значение слова — это его употребление в языке»²⁵. В центре философии Витгенштейна находится вопрос: как вообще возможно значение? Ответ на него звучит так: “Значение языкового высказывания — это его употребление в языке”. Значение определяется в системах коммуникации, или, иначе говоря, в рамках языковых игр, которые рассматриваются “не как неполные части языка, но как языки, завершенные в себе, как целостные системы человеческого общения”²⁶. Инструментальной такая теория называется потому, что слова и предложения она рассматривает в качестве инструментов, при помощи которых в рамках соответствующего языка может быть достигнуто понимание²⁷. Теоретические выводы Л. Витгенштейна относительно категории “значение” оказали непосредственное влияние на правоповедение, и в частности на теорию толкования и применения права²⁸.

Во-первых, в контексте философии языка Витгенштейна оказывается фикцией широко распространенное в юридической науке представление о том, что каждое слово имеет одно значение, и это значение соотносится с данным словом. Логичнее будет рассуждать таким образом, что выраженные в языке правила, в том числе и нормы права, не могут иметь фиксированного, лишённого сомнений смысла и в конечном счете “единственного” значения. Если бы было наоборот, то не было бы нужды в толковании права. Установленное нормой права правило, несомненно, *всегда* требует интерпретации.

Во-вторых, язык состоит не только из языковых элементов (слово, предложение), но и из тех обстоятельств, в которых они произносятся или

пишутся. Только в этом контексте речевые высказывания получают свое значение²⁹. Переноса этот вывод на проблемы права, можно сказать, что только применение нормы права к фактическим обстоятельствам, *т.е. использование ее в юридической языковой игре*, придает и раскрывает значение этой нормы.

Вместе с тем в языке права немало терминов, хотя и принадлежащих различным языкам и, соответственно, различным правовым системам, но имеющих универсальное значение независимо от контекста их употребления. В качестве примера можно привести использование понятия “развод” и “талак” в мусульманском и европейском праве. Независимо от юридических процессуальных форм, в которых происходит развод, согласно мусульманскому и европейскому праву развод означает одно: расторжение брака.

Для того чтобы текст закона был правильно понят и, стало быть, правильно применен, необходимо следовать следующему правилу: “Правильное применение закона предполагает то, что у правоприменителя сформировалось ясное понимание того, какие вопросы и проблемы должен был регулировать закон в то время, когда он был принят”³⁰.

Язык — это средство коммуникации. Поэтому раскрыть смысл текста можно, только исходя из контекста его первичного возникновения и контекста применения. Для успешной работы юриста важно знать, что значение речевых форм зависит от разнообразных конкретных обстоятельств, в которых происходят возникновение, передача, усвоение и т.д. юридического текста и его смысла. Отсюда следует, что правильное понимание юридического текста и, соответственно, его применение предполагают учет двух контекстов: **контекста происхождения и контекста толкования**. Следовательно, понимание юридического текста разворачивается в поле напряжения **двух контекстов: происхождения и толкования**³¹. Все это вместе означает то, что при толковании необходимо не только воссоздать первичный смысл и значение текста, но и интерпретировать его применительно к особенностям обстоятельств конкретного юридического дела.

Содержание значения нормы права следует (вытекает) только из факта ее применения. Вместе с тем, это не означает, что судья в своих действиях связан исключительно тем правилом, которое

²⁵ Витгенштейн Л. Философские исследования (№ 43) // Языки как образ мира. М., СПб., 2003. С. 250.

²⁶ Витгенштейн Л. Голубая и коричневые книги: предварительные материалы к “Философским исследованиям” / пер. с англ. Новосибирск, 2008. С. 122.

²⁷ См.: Витгенштейн Л. Философские исследования (№ 23) // Языки как образ мира. С. 237.

²⁸ См.: Niggi A.M., Keshelawa T. Recht und Wittgenstein VI: Vertikale Normendehrdringung der anderen Art // in: S. H./K. Mathis (hrsg.): Recht, Moral und Faktizitet. Festschrift für Walter Ott. Zurich, 2008. S. 133–151.

²⁹ См.: Витгенштейн Л. Философские исследования (№ 14) и след. // Языки как образ мира. С. 230.

³⁰ Rutter B. Rechtstheorie. Munchen, 1999. S. 95.

³¹ См.: *ibid.* S. 97.

установлено соответствующей нормой права: обязательность вытекает не только из правила, *но также из согласованной практики его применения*. Такой вывод, имеющий очень важное значение для формирования современной единой правоприменительной практики в России, можно сделать из следующего высказывания Л. Витгенштейна: “Языковое взаимопонимание достигается не только согласованностью определений, но (как ни странно это звучит) и согласованностью суждений”³².

Обе эти теории, конечно же, не решают всех проблем юридической науки и практики. Сложившиеся в сфере философии языка научные школы в сущности направлены на достижение различных целей, но общим для них является то, что они способствуют более точному пониманию и анализу юридических проблем.

Во избежание проявления чрезмерного субъективизма, способного исказить истинный смысл и значение нормы или принципа права, правоприменитель должен прежде всего строго следовать следующему канону герменевтики: *sensus non est inferendus, sed efferendus*, т.е. “искомый смысл нельзя вложить в смыслодержущую форму по наитию, произвольно, смысл нельзя, так сказать, подбросить, напротив, он должен быть извлечен из этой формы”³³.

Коммуникативную функцию право выполняет не только посредством языка законов и других нормативных правовых актов, в текстах которых формулируются и излагаются нормы права. Она реализуется и в ходе применения права, когда коммуникативная связь устанавливается между правоприменителем и лицом, участвующим в рассмотрении юридического дела, выступающим в статусе истца, ответчика, подсудимого и т.д. Основанием и установлением коммуникативных связей подобного рода выступают, например, разнообразные судебные акты, в которых в письменной форме формулируются подлежащие судебному рассмотрению и решению фактические обстоятельства. Тем самым осуществляется перевод обыденных жизненных обстоятельств на язык права, правовых актов. Стоит заметить, что с точки зрения учения о толковании и применении права очень важным представляется утверждение о том, что “предметом размышления судьи являются не непосредственно фактические обстоятельства, а схваченное в языке

их описание”³⁴. Следовательно, для правоприменителя, например для судьи, не только норма права, но и подлежащий разрешению казус всегда предстают перед ним в виде *текста*. Задача судьи состоит в том, чтобы преобразовать прошедшие через судебскую оценку фактические обстоятельства и показания свидетелей в юридически переработанный *текст*. Применение нормы права к фактическому составу приводит к принятию правоприменительным органом индивидуально-конкретного решения, имеющего текстуальную форму.

Исследование соотношения права и языка не ограничивается раскрытием коммуникативной функции, значения и техники интерпретации юридического текста. В дополнение к этому следует отнести комплекс сложнейших, тесно переплетающихся между собой языковых, теоретико-познавательных, теоретико-правовых проблем, касающихся *связи языка с отражающейся в юридических текстах и понятиях реальной действительностью*. Для выяснения этой проблемы вполне обоснованным будет вовлечение в контекст наших рассуждений таких герменевтических терминов, как “*означающее*” и “*означаемое*”.

В специальной литературе согласно лингвистической модели французского философа и лингвиста Ф. Соссюра³⁵ знак определяется как двойственное образование, которое состоит из “*означаемого*” и “*означающего*”. Под первым понимается форма, которую может принимать знак, под вторым — концепт, который этот знак представляет. Таким образом, можно сделать вывод о том, что знак — это целостный конструкт, связывающий означаемое и означающее в единое целое³⁶.

В юридическом тексте выражается определенный смысл, который необходимо правильно понять, а затем истолковать, чтобы правильно применить содержащиеся в нем нормы или принцип права. В контексте процесса выявления смысла юридического текста, т.е. понимания и толкования содержащейся в нем нормы права, очень важным моментом представляется выяснение сути соотношения понятий “*означающее*” и “*означаемое*”.

Термины “*означающее*” и “*означаемое*” можно отнести к языковому уровню текста. “Таким образом, — пишет У. Эко, — означающее все более и более предстает перед нами как смыслопорождающая

³² Витгенштейн Л. Философские исследования (№ 242) // Языки как образ мира. С. 346.

³³ Бетти Э. Герменевтика как общая методология наук о духе / Пер. с нем. М., 2011. С. 29.

³⁴ Цит. по: Busse D. Op. cit. S. 12.

³⁵ См.: Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. М., 2006. С. 65; Тазетдинова Р.Р. К вопросу о герменевтике терминов “означающее” и “означающее” // Вестник ОГУ. № 5 (86). С. 38–41.

³⁶ См.: Тазетдинова Р.Р. Указ. соч. С. 38.

форма, производитель смыслов, исполняющийся множеством значений и сознаний...³⁷. Применительно к юридическому тексту *означающим* будет словесная формулировка нормы или принципа права, т.е. нормативное правовое предписание. Согласно общему правилу семиологии *означаемое* – это словесное выражение образа вещи, рождающийся в уме. В отличие от означивания реальных объектов, на которые, как пишет У. Эко, можно указать пальцем как на какую-либо вещь: стол, собака и т.д., в юридическом языке содержатся такие слова, что, чтобы понять их значение, не знаешь, на что указать. В контексте этих рассуждений очень важное значение для понимания связи, существующей между языком и правом, имеет следующий афоризм 4.1212 Л. Витгенштейна, который содержится в “Логико-философском трактате”: “Что может быть показано, о том не следует говорить”³⁸. Соответственно, о том, что не может быть показано, напротив, следует говорить.

В самом деле, невозможно указать на те реальные объекты, какие выражаются словами “добро”, “зло”, “право”, “правовая норма”, “субъективное право”, “юридическая обязанность” и т.д.

³⁷ Эко У. Указ. соч. С. 72.

³⁸ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат / Пер. с англ. М., 2010. С. 62.

Как раз особенностью языка права является то, что, поскольку правовые понятия, правовые представления не имеют подобия в реальном мире, их невозможно представить помимо языка. Они существуют исключительно в языке и посредством языка. Юридическая семантика не оставляет без внимания проблемы соотношения прав и реальной действительности. В правовом дискурсе она выполняет роль вспомогательной функции.

В основу юридической деятельности положено установление отношений между выраженной в языке нормой права и обстоятельствами, которые существуют в реальности и составляют фактическую основу юридического дела. По существу, процесс применения права заключается в применении юридических текстов к фрагментам реальной действительности, когда фактические обстоятельства подводятся под определенную норму права. В юридическом языке это называется *супсумпцией* (подведением). Правоприменение одновременно с этим можно рассматривать как своего рода семантическую спецификацию значения термина “норма”, поскольку в ней закрепляются признаки тех обстоятельств, которые и составляют то, что называется фактической основой юридического дела. Таким образом, можно сделать вывод о том, что применение права есть специальный случай применения языка.

LAW AS LINGUISTIC PHENOMENON

© 2018 V. N. Kornev

Russian state University of justice, Moscow

E-mail: prorektor_nauka@rsuj.ru

Received 14.12.2017

The topic “law and language” is the key one in legal science and practice. Law finds its expression in the language. Making the language of normative and individual legal acts perfect from the point of view of legal technology is one of the most important tasks in modern legal science. However, a linguistic approach does not solve other important problems in the area of rights – language correlation.

The author of the article explores the topic in the context of the theory and philosophy of language, which is the premise for the grounding of the concept of law as a language phenomenon. On the basis of this methodological approach, the author comes to the conclusion that law as a language phenomenon is able to perform its specific functions. Among them, the author pays special attention to the communicative function, which is typical for both the texts of normative legal acts and legal acts of an individual character. In order to fulfill the regulatory function, the law should be brought to the attention of an indefinite number of persons with the help of the language. This way it acquires the property of a regulator of social relations. In this sense, the reality (action) of law acts as the reality (action) of the language in which rules of conduct are formed and expressed. The article also analyzes other functions of law as a language phenomenon: law enforcement, the function of signifying legal phenomena, etc. The author comes to the conclusion that the application of law is a special case of the language use. All the issues that are indicated in the text of the scientific article are considered on the basis of an analysis of the concepts of domestic and foreign researchers of the language of law.

Key words: law, principle of law, language of law, legal text, communication, intention, suggestion, signification, meaning in law, legal language game, application of law, lawmaking, phenomenology.